

УДК 94(470)''18/19''_(093.3)+37.014.521:271.2

**И ЧТЕЦ, И ЖНЕЦ, И НА ДУДЕ ИГРЕЦ?
(О преподавании медицины и сельского хозяйства
в духовных семинариях в середине XIX века)**

О. Д. Попова
А. Д. Попова

*Доктор исторических наук, профессор
доктор исторических наук, профессор
Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина, Рязань, Россия*

**AND THE READER, AND THE REAPER AND THE FIFER?
(About the teaching of medicine and agriculture
in the seminaries in the mid-nineteenth century)**

O. D. Popova
A. D. Popova

*Doctor of Historical Sciences, professor
Doctor of Historical Sciences, professor
Ryazan State University named for S. Esenin
Ryazan, Russia*

Abstract. The article shows the process of reflection at the turn of XIX–XX centuries clergy its mission in society. Authors on the basis of archival materials and memoirs of graduates of theological seminaries analyze attempts to train in the middle of the XIX century. Future priests the basics of medicine and agriculture, as well as the attitude of the society to this experience at the turn of XIX–XX centuries. The article demonstrates that the level of teaching these disciplines represent a mosaic picture. Pupils themselves remembered these lessons as an interesting, but not serious subjects. The article concludes that the introduction of these subjects in the course of theological seminaries were unsuccessful way to solve social problems. The real added value they brought. However, this experience was actively discussed in the early twentieth century in the discussions on the ways of spiritual school reform.

Keywords: clergy; education; seminaries; medicine; agriculture.

Рубеж XIX–XX веков был отмечен обширными дискуссиями о путях развития духовного образования. Они были порождены желанием правительства сохранить сословную замкнутость духовенства, с тем, чтобы сохранить процесс пополнения рядов служителей культа. Сами же представители духовного сословия видели для себя более перспективными уже другие социальные роли. Поэтому в этот период активно обсуждался вопрос о содержании семинарского курса, который менялся в XIX веке неоднократно. Немалое место процесс осмысления семинарского курса занимал в мемуарах воспитанников духовных семинарий. В воспоминаниях семинаристов, которые

учились в середине XIX века, нашли место и мысли об изучении ими основ сельского хозяйства и медицины.

Появление этих предметов в учебном плане семинарий относится к середине XIX века. Представляется, что осмысленные истории преподавания естественнонаучного цикла в курсе духовных семинарий позволит наиболее полно представить попытки правительства вписать учебные программы этих учебных заведений в нужды общества. А обращение к воспоминаниям тех, кому приходилось изучать данные предметы, позволит гораздо глубже понять процесс восприятия обществом

на рубеже XIX–XX веков проблем духовных учебных заведений.

В 1840 году были изданы утвержденные Николаем I «Новые правила» преподавания в духовно-учебных заведениях. Для семинаристов, наравне с общеобразовательными и богословскими предметами, было введено изучение медицины, сельского хозяйства, земледелия [9, с. 179]. Официально «Новые правила» объясняли такое нововведение стремлением приблизить духовенство к нуждам своей паствы.

Однако как показывают исследования С. В. Римского и В. Н. Федорчука, нововведения в учебном плане были частью сложной реформы в управлении духовно-учебных заведений и итогом противостояния министра государственного имущества графа П. Д. Киселева и обер-прокурора графа Н. А. Протасова.

Идея, что священник мог бы закрыть брешь нехватки специалистов в деревне, пришла в голову министру государственного имущества графу П. В. Киселеву, который видел в невежестве народа причину слабого развития сельского хозяйства. Заботясь о развитии государственной деревни, стремясь улучшить быт государственных крестьян, он открывал школы, больницы в своем ведомстве, а также высказал мысль, что священник должен оказывать не только духовную помощь крестьянству, но и медицинскую. Впервые подобные предложения прозвучали в 1838 году, на что последовало резкое несогласие Московского митрополита Филарета [9, с. 177]. Тогда П. Д. Киселев выступил с инициативой открыть в своем ведомстве духовные семинарии для подготовки универсальных священников. Чтобы не допустить этого графу Протасову пришлось ввести эти необычные для духовной семинарии учебные предметы в своем ведомстве [5, с. 159]. В целом семинарский курс вырос до 26 предметов, который необходимо было уложить в 36 недельных

часов. Для этого пришлось сократить курс некоторых богословских дисциплин. На уроки по сельскохозяйственному циклу отводилось по одному уроку в среднем отделении, на медицину по одному уроку в неделю в старшем отделении.

На практике оказалось все гораздо сложнее, чем просто прописать новые предметы в нормативно-правых документах. С введением сельско-хозяйственных предметов пришлось повременить, поскольку не было соответствующих педагогов. Духовное ведомство послало около 60 семинаристов в Горы-горецкую сельскохозяйственную школу [8, с. 99]. Пока они не окончили курс обучения, преподавание основ сельского хозяйства и естественной истории не началось. Основам медицинских знаний должны были научить будущих пастырей врачи, которые работали при семинариях.

Реально сельскохозяйственные курсы появились только к 1851 году и то только в 21 семинариях, а медицина к этому году преподавалась в 32 семинариях. Как показывают документы Св. Синода, руководство старалось следить за преподаванием этих новых дисциплин и отдельной строкой требовало отчеты с мест. Эти документы позволяют сделать вывод, что содержательная часть преподаваемых дисциплин представляла собой очень мозаичную картину. Например, отчет Воронежской духовной семинарии в 1860/61 году свидетельствует, что семинаристам из курса медицины ученикам высшего отделения семинарии прочитаны: анатомия, физиология, диететика (сохранение здоровья), патология и терапия. Опыты практических занятий по оспопрививанию производимы были местным врачом в семинарской больнице [3, Л. 59]. В то же время рамки курса медицины в Орловской духовной семинарии были обозначены иначе: А) о составе человеческого организма, где о костях, о связках, о мышцах, о железах и

нервной системе; Б) о внутренностях человеческого организма, о дыхательных органах, о легких и сердце, о пищеварительном канале, о желудке, о печени, о селезенке, о почках; В) о болезнях, о признаках указывающих на опасность болезни и скорую смерть, о лихорадке, о гнилой лихорадке; Г) о воспалении вообще, о жалобах, о крупе, о свинке, о воспалении легких, о воспалении подреберной плевры, о воспалении языка, о воспалении сердца, и сердцевой сумки, о воспалении желудка, о воспалении кишок, о воспалении печени, о воспалении мозга [3, с. Л. 66]. Трудно представить, что за весьма маленькое количество учебных часов будущие пастыри могли освоить курс наук, премудрости которых современные будущие врачи изучают в течение 6 лет.

Не менее широкую и академическую тенденцию заявляли некоторые семинарии и в курсе сельскохозяйственных дисциплин. В Воронежской семинарии, как свидетельствуют отчеты, учащиеся знакомились с основами скотоводства, лесоводства, пчеловодства, шелководства, садоводства [2, Л. 119]. В то же время в Одесской духовной семинарии преподаватель счел необходимым знакомить слушателей с основами сельскохозяйственной архитектуры: устройство фундаментов, устройство погребов, устройство потолок и пола, устройство крыши, устройство печи, устройство кухни, бани [2, Л. 108].

Не менее разнообразная картина была и в практических занятиях. Большинство семинарий заявляло о проведении практических занятий по медицине в семинарской больнице, где «при всяком удобном случае были объясняемые ученикам болезни в семинарской больнице и в приготовлении под надзором врача домашних средств для лечения» [2, Л. 108 об.]. А вот занятия по сельскому хозяйству не все учебные заведения обеспечить были в состоянии. В частности, Одесская семина-

рия отмечала, что не имеет для этого подходящего участка. В то время как семинаристы из Воронежа, если исходить из отчетов руководства семинарии, практиковались в выращивании даже некоторых сортов винограда и баклажан.

А вот мемуары бывших воспитанников духовных семинарий, которые активно публиковались на рубеже XIX–XX веков, позволяют выявить еще более удручающую картину. В частности, в воспоминаниях Воронежского семинариста, чье обучение пришлось на 1859–1865 годы, отмечалось, что занятия по сельскому хозяйству велись по запискам, которые не отличались высокой научностью: «записки по сельскому хозяйству тоже не могли сделать нас даже сколько-нибудь сносными агрономами: из любой популярной статьи можно было извлечь больше пользы, чем из них» [6, с. 247]. Одновременно у автора остались в памяти и практические занятия по сельскому хозяйству. Он оценивал такие занятия как рекреацией для семинаристов, т. е. отдыхом и развлечением. А вот практические занятия по медицине, заявляемые в отчетах руководства Воронежской духовной семинарии, в памяти этого автора не отложились. Также его воспоминания показывают, что не реализовалась и обширная программа медицинского курса. Врач семинарии Федяевский основное внимание сосредотачивал внимание на гигиене и диететике. Вопросов же лечения болезней, их диагностики и фармакологии касался лишь эпизодично [7, с. 696].

Также отзывается весьма скептически о практической пользе курса медицины выпускник Вологодской духовной семинарии Е. Грязнов: «Преподавание этого предмета оставалось совсем бесплодным, несмотря на то, многие, может большинство слушателей, питали интерес к этой науке» [1, с. 131]. По словам автора, лекции отличались обилием сложных терминов, совершенно удаленных от практики.

Слушатели экзамен сдали лишь при очень снисходительном требовании лектора.

Кроме того, рассказы о преподаваемых дисциплинах вносили определенный вклад в дискуссию о содержании семинарского курса и социальном предназначении духовенства. В частности, Е. Грязнов пишет, что если цель была «научить простейшим способам оказывать посильную помощь населению своего прихода», то «цель эта была, конечно, почетная, зато способы к достижению этой цели были выбраны неудачные: они были построены на ложном, легкомысленном основании» [1, с. 131].

Для другого выпускника Воронежской духовной семинарии – П. В. Цезаревского преподавание сельского хозяйства и медицины в духовных семинариях являлось наиболее ярким примером непродуманности системы обучения семинаристов [10, с. 254]. Именно такая смесь учебных курсов с особой остротой ставила проблему, кем же должны быть дети духовенства. Он также отмечает, что преподавание основ сельского хозяйства «вносило бодрость и живой интерес в молодую среду, возбуждая любознательность», но в то же время, совершенно не достигало своей основной цели. Антука, как высказывается автор, т. е. универсального специалиста, умеющего решать различные вопросы, из выпускников семинарии не получилось. Более того, он указывал на то, что часть сведений, помещаемых в отчет, вообще были сильно преувеличены, а порой просто вымышлены. Так, например, семинарский огород занимал очень маленький участок, на котором «разводились там разные диковинки, да и то в количестве лишь десятка-другого колосков и былинки какой-нибудь египетской пшеницы, китайского проса или иерусалимской сосны, были даже шелковичные черви, т. е. раритеты, не имеющие никого отношения ни к местному сельскому хозяйству, но даже к интересам теоретического преподавания»

[11, с. 274]. Как об особом курьезе он рассказывает о медали, полученной семинарией на местной сельхозхозяйственной выставке. На деле этот приз был вручен за огромного размера редьку, выращенную на навозе. Таким образом, наверное, можно согласиться с мнением Титлинова, что «Протасовская реформа сделала то, что сделать решительно невозможно – она хотела сделать семинарский курс одновременно классическим и реальным» [8, с. 19].

Следует отметить, что сей неудачный опыт обучения естественным наукам будущих пастырей, не давал покоя и в будущем некоторым реформаторам духовного образования. В 1890 году министр Государственного имущества обратился с предложением к обер-прокурору обучать учащихся духовных семинарий садоводству и огородничеству. Это предложение было обусловлено тем, что основы сельского хозяйства были введены в программы церковно-приходских школ [4, Л. 14]. Данный вопрос был предложен на обсуждение правлениям духовных семинарий. С энтузиазмом на такое предложение откликнулось лишь несколько учебных заведений: Якутская семинария и несколько духовных училищ. Большинство заведений эту идею не поддержали. В частности, Черниговская, Владимирская, Вятская, Ярославская, Самарская, Астраханская, Костромская, Литовская семинарии ответили категорическим отказом – «нет ни средств, ни педагогов, ни инструмента этим всем заниматься» [4, Л. 56]. Кроме того, Тульская семинария отметила, что занятие садоводством будет мешать учебным занятиям весной, когда воспитанникам надо заниматься подготовкой к экзаменам и одновременно вспомнила опыт 50-х годов, в которых обучение воспитанников сельскому хозяйству, но признанию обучавшимся ему не принесло никакой практической пользы. Поэтому реального повторения опыта 50-х годов не последовало.

При этом следует отметить, что авторы мемуаров не были однозначными противниками естественно-научных дисциплин в курсе семинарии. Более того, П. В. Цезаревский сожалел о том, что в соответствии с Уставом 1867 года все подобные дисциплины были исключены. По его мнению, в условиях общего интереса к естественно-научному знанию, отсутствие подобных дисциплин в семинарском курсе приводило к тому, что семинаристы начали увлекаться наиболее крайними выводами естественных наук [11, с. 277]. Предложения Е. Грязнова более практичны. Он предлагал обучать семинаристов наиболее простым сведениям из гигиены и мерам предотвращения заразных болезней. У автора этих строк была и реальная подоплека к этому: в период учебы в семинарии он с братом завез в свое село эпидемию тифа, которым заразился в семинарской больнице, где беспрепятственно навещал своего брата.

Таким образом, введение курса естественнонаучных и медицинских дисциплин можно назвать как весьма неумелую попытку за счет духовенства решить наиболее явные социальные проблемы общества. В начале XX века этот опыт в общественном сознании духовенства воспринимался как одна из страниц неумелого руководства системой духовно-учебных заведений. Сами выпускники, которым выпало изучать данные курсы, широко использовали этот неудачный опыт как аргумент того, что духовные семинарии находятся в состоянии кризиса.

Библиографический список

1. Грязнов Е. Из школьных воспоминаний бывшего семинариста. Вологодская семинария. – Вологда, 1903.
2. РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 24058.
3. РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 25218.
4. РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 7.

5. Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. Церковные реформы в России в 1860–1870-х годов. – М., 1999.
6. С-к-й. Воспоминания Воронежского семинариста 1859–1865 годов // Воронежские епархиальные ведомости. 1900. № 6. Часть неофиц. – С. 238–249.
7. С-к-й. Воспоминания Воронежского семинариста 1859–1865 годов // Воронежские епархиальные ведомости. 1900. № 16. Часть неофиц. – С. 685–697.
8. Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX веке. Вып. 2. – Вильна, 1909.
9. Федорук В. Н. Реформа духовно-учебных заведений при обер-прокуроре Н. А. Протасове // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – Вып. 2. – С. 176–181.
10. Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии Воспоминания // Звонарь. 1906. – № 1. – С. 247–281.
11. Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии Воспоминания // Звонарь. – 1906. – № 2/3. – С. 272–294.

Bibliograficheskijski spisok

1. Grijaznov E. Iz shkol'nyh vospominanij byvshego seminarista. Vologodskaja seminarija. – Vologda, 1903.
2. RGIA. F. 802. Op. 8. D. 24058.
3. RGIA. F. 802. Op. 8. D. 25218.
4. RGIA. F. 802. Op. 9. D. 7.
5. Rimskij S.V. Rossijskaja cerkov' v jepohu Velikih reform. Cerkovnye reformy v Rossii v 1860–1870-h godov. – M., 1999.
6. S-k-j. Vospominanija Voronezhskogo seminarista 1859–1865 godov // Voronezhskie eparhial'nye vedomosti. 1900. № 6. Chast' neofic. – S. 238–249.
7. S-k-j. Vospominanija Voronezhskogo seminarista 1859–1865 godov // Voronezhskie eparhial'nye vedomosti. 1900. № 16. Chast' neofic. – S. 685–697.
8. Titlinov B. V. Duhovnaja shkola v Rossii v XIX veke. Vyp. 2. – Vil'na, 1909.
9. Fedoruk V. N. Reforma duhovno-uchebnyh zavedenij pri ober-prokurore N. A. Protasove // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. – 2010. – Vyp. 2. – S. 176–181.
10. Cezarevskij P. V. Shestidesjatye gody v duhovnoj seminarii Vospo-minanija // Zvonar'. 1906. – № 1. – S. 247–281.
11. Cezarevskij P. V. Shestidesjatye gody v duhovnoj seminarii Vospo-minanija // Zvonar'. – 1906. – № 2/3. – S. 272–294.

© Попова О. Д., Попова А. Д., 2016

УДК 316.356.2(620)